

К.В. Мочульский

Достоевский

Жизнь и творчество

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
К11

К.В. Мочульский
К11 Достоевский: Жизнь и творчество / К.В. Мочульский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 563 с.

ISBN 978-5-518-07511-5

Достоевский прожил глубоко трагическую жизнь. Жизнь и творчество этого гениального писателя неразделимы. Он "жил в литературе", она была делом его жизни и трагической судьбой. Во всех своих произведениях он решал загадку собственной личности, говорил только о том, что было лично пережито им. Достоевский всегда тяготел к форме исповеди, творчество его раскрывается перед нами как целостное откровение его духа. Это духовное единство жизни и творчества попытались сохранить авторы этой книги.

ISBN 978-5-518-07511-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Достоевский прожил глубоко трагическую жизнь. Его одиночество было безгранично. Гениальные проблемы автора "Преступления и наказания" были недоступны современникам: они видели в нем только проповедника гуманизма, певца "бедных людей", "униженных и оскорбленных". Людям XIX-го века мир Достоевского представлялся фантастическим. Тургенев, Гончаров и Лев Толстой эпически изображали незыблемый строй русского "космоса", — Достоевский кричал, что этот "космос" непрочен, что под ним шевелится хаос. Среди всеобщего благополучия он один говорил о кризисе культуры и о надвигающихся на мир неслыханных катастрофах. Иступление и отчаяние автора "Записок из подполья" казались современникам чудачеством и болезнью. Достоевский был прозван "больным, жестоким талантом" и скоро забыт. Духовная связь между писателем и поколениями 80-х и 90-х годов порвалась. В начале XX-го века, перед первой революцией, символисты "открыли" Достоевского. Исторические устои русской жизни заколебались; родились новые души, с новым трагическим мироощущением. Автор "Бесов" стал их духовным учителем; они были охвачены его пророческой тревогой. В книгах и статьях Н. Бердяева, Д. Мережковского, С. Булгакова, А. Волынского, В. Иванова и В. Розанова впервые раскрылась философская диалектика Достоевского, впервые была оценена произведенная им духовная революция. Творчество писателя приобрело третье измерение: метафизическую глубину. Заслуга символистов — в преодолении чисто психологического подхода к создателю "романов-трагедий". XX век увидел в Достоевском не только талантливого психопатолога, но и великого религиозного мыслителя.

Второе "открытие" Достоевского произошло после революции 1917 года. В 1905 году катастрофа только предчувствовалась и давала о себе знать глухими подземными толчками, в 1917 году она разразилась. С самодовольным "культурным" благополучием XIX века было навсегда покончено. Россия, а с нею и весь мир, вступали в грозную эру неведомых социальных и духовных потрясений; предчувствия автора "Бесов" оправдались. Катастрофическое мировоззрение "больного таланта" становилось духовным климатом эпохи.

В истории изучения Достоевского 1921 год — столетие со дня его рождения — важная дата. В России и за границей появляет-

ся ряд молодых исследователей (А. Долинин, В. Комарович, Л. Гроссман, Г. Чулков, В. Виноградов, Ю. Тынянов, А. Бем), которые кладут начало научному историко-литературному изучению творчества великого писателя. Публикуются архивы, издаются неизвестные или забытые произведения Достоевского, появляется полное собрание его писем; значительно обогащается мемуарная литература, выходят многочисленные монографии и сборники статей. Из новых публикаций наибольшую ценность представляет обнародование записных тетрадей Достоевского. Черновые наброски и заметки к "большим романам" полны захватывающего интереса. В них раскрывается лаборатория его творчества: на наших глазах рождаются, растут и развиваются его идеологические и художественные замыслы. Генезис романов-трагедий и законы их построения доступны теперь для исследования.

Поколение символистов открыло Достоевского — философа; поколение современных исследователей открывает Достоевского — художника. Миф об эстетической безформенности и стилистической небрежности автора "Карамазовых" разрушен окончательно. Изучение поэтики писателя, его композиции, техники и стиля вводит нас в эстетический мир великого романиста.

* * * *

Жизнь и творчество Достоевского неразделимы. Он "жил в литературе"; она была его жизненным делом и трагической судьбой. Во всех своих произведениях он решал загадку своей личности, говорил только о том, что им лично было пережито. Достоевский всегда тяготел к форме исповеди; творчество его раскрывается перед нами, как одна огромная исповедь, как целостное откровение его универсального духа. Это духовное единство жизни и творчества мы пытались сохранить в нашей работе.

Глава I.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ.

В XVII веке одна из ветвей древнего литовского рода Достоевских переселилась на Украину. Дед писателя был священник; отец, Михаил Андреевич, пятнадцатилетним мальчиком бежал в Москву, окончил там Медицинскую Академию, участвовал в Отечественной войне и с 1821 г. состоял главным врачом в Мариинской больнице в Москве. Это был человек тяжелого нрава, вспыльчивый, подозрительный и угрюмый. На него находили припадки болезненной тоски; жестокость и чувствительность, набожность и скопидомство уживались в нем. Жена его, Мария Федоровна, из купеческого рода Нечаевых, кроткая и болезненная, благоговела перед мужем. Федор Михайлович сохранил от матери миниатюру с летящим ангелом:

*J'ai le cœur tout plein d'amour,
Quand l'aurez-vous à votre tour?*

Переписка между родителями Достоевского полна чувствительности. Отец пишет: "Не забывай меня, бедного, бесприютного", "не забывай меня, бедного горемыку". Мать отвечает: "Не горюй, голубчик мой... Да скажи мне, душа моя, что у Тебя за тоска такая, что такие за размышления грустные и что Тебя мучает, друг мой? У меня сердце замирает, когда воображу Тебя в таком грустном расположении. Умоляю Тебя, ангел мой, боже-ство мое, береги себя для любви моей..."

От сентиментальных излияний отец быстро переходит к хозяйственным заботам: после отъезда Марии -Федоровны с детьми в деревню он пересчитывает суповые ложки, бутылки, склянки и женины платья, подозревая слуг в воровстве. "Напиши, просит он жену, не осталось ли твоих платьев, манишек, чепчиков или чего сему подобного, равно, что у нас в чулане, вспомни и напиши подробно, ибо я боюсь, чтобы Василиса не обокрала". Он постоянно жалуется на бедность. "Ах, как жаль, пишет он жене, что по теперешней моей бедности, не могу Тебе ничего послать ко дню Твоего ангела. Душа изнывает". Но бедности не было: Михаил Андреевич получал сто рублей ассигнациями жалования, имел частную практику, казенную квартиру, семь слуг и четверку лошадей. В 1831 г. он купил имение в Тульской губернии, состоявшее из двух деревень — Даровое и Чермашня.

Федор Михайлович Достоевский родился в Москве 30 октября 1821 г. Брат Михаил был старше его на год, сестра Варвара на год моложе. По словам жены писателя, Анны Григорьевны, "Федор Михайлович охотно вспоминал о своем счастливом, безмятежном детстве и с горячим чувством говорил о матери. Он особенно любил старшего брата Мишу и сестру Вареньку. Младшие братья и сестры не оставили в нем сильного впечатления".

Воспоминания Анны Григорьевны носят характер агиографический; едва ли детство Достоевского было таким безмятежным. Мать называла Федю "настоящий огонь"; столкновения с отцом, страх перед ним и скрытое недоброжелательство рано развили в ребенке замкнутость и неискренность. "Не удивляюсь, друг мой, Федькиным проказам, писала Мария Федоровна мужу, ибо от него всегда должно ожидать подобных". А отец говорил Федору: "Эй, Федя, уймись, не сдобровать тебе: быть тебе под красной шапкой". Эта угроза рекрутчиной, хотя бы и шутивная, все же не свидетельствует о родительской нежности.

Дети трепетали перед отцом, боялись вспышек его гнева. Он преподавал Михаилу и Федору латынь. Младший брат Достоевского, Андрей Михайлович вспоминает: "У отца братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол. Стоят, бывало, как истуканчики, склоняя по очереди *mensa*, *mensae*, или спрягая *amo*, *amas*, *amat*". Летом, когда доктор отдыхал после завтрака, кто-нибудь из детей был обязан липовой веткой отгонять мух.

Патриархальный строй семьи своеобразно сочетался с сентиментальным стилем эпохи. Слащавая восторженность писем Достоевского к отцу производит тяжелое впечатление. В 1838 г. он пишет Михаилу Андреевичу: "Любезнейший папенька! Боже мой, как давно не писал я к Вам, как давно не вкушал я этих минут истинного сердечного блаженства, истинного, чистого, возвышенного... Блаженства, которое ощущают только те, которым есть с кем разделить часы восторга и бедствий, которым есть кому поверить все, что совершается в душе их... О, как жадно теперь я упиваюсь этим блаженством!..." Письмо кончается просьбой денег.

Все письма Достоевского к отцу из Инженерного Училища переполнены восклицаниями, моральными рассуждениями и жалобами на нужду. Чтобы растрогать крутого старика, юноша искусно играет на его слабых струнах. "Лагерная жизнь каждого воспитанника военно-учебных заведений, пишет он в 1839 г., требует, по крайней мере, 40 р. денег. (Я Вам пишу все это потому, что говорю с отцом моим). В эту сумму я не включаю таких потребностей, как, например, иметь чай, сахар и пр. Это и без того необходимо, и необходимо не из одного приличия, а из нужды. Когда Вы мокнете в сырую погоду под дождем в полотняной палатке или в такую погоду, придя с учения усталый, озябший, без чая можно заболеть; что со мной случилось прошлого года на по-

ходе. Но все-таки, я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю. Требую только необходимого на две пары простых сапогов — шестнадцать рублей”.

Угроза не пить чаю подкреплена в другом письме моральными сентенциями: “Дети, понимающие отношения своих родителей, должны сами разделять с ними все — радость и горе; нужду родителей должны вполне нести дети. Я не буду требовать от Вас многого. Что-ж: не пив чая, не умрешь с голода. Проживу как-нибудь...”

Дипломатия сына становится менее невинной, когда для уловления отца он пользуется мотивами более серьезными, чем отречение от чая. “Я сейчас только приобщался, пишет он. Денег занял для священника. Давно уже не имею ни копейки денег.”

Двойственность натуры Достоевского и сложные противоречия его души уже приоткрываются в этих юношеских письмах.

После смерти жены, смиренная любовь которой смягчала депотический нрав Михаила Андреевича, он вышел в отставку и поселился в своей деревне. Там он стал пьянствовать, развратничать и истязать крестьян. Один крестьянин села Даровое, Макаров, помнивший старика Достоевского, отзывался о нем так: “Зверь был человек. Душа у него была темная — вот что... Барин был строгий, неладный господин, а барыня была душевная. Он с ней нехорошо жил, бил ее. Крестьян порол ни за что.” В 1839 г. крестьяне его убили. Андрей Достоевский рассказывает в своих воспоминаниях: “Отец вспылил и начал очень кричать на крестьян. Один из них, более дерзкий, ответил на этот крик сильною грубостью и вслед за тем, убоявшись последствий этой грубости, крикнул: “Ребята, карачун ему.” И с этими возгласами крестьяне в числе 15 человек накинудись на отца и в одно мгновение, конечно, покончили с ним.” Дочь писателя, Любовь Достоевская, прибавляет: “Его нашли позже на полпути задушенным подушкой от экипажа. Кучер исчез вместе с лошастью.”

В переписке Достоевского мы не найдем ни одного упоминания о трагической смерти отца. В этом упорном молчании в течение всей жизни есть что-то страшное. Друг писателя, барон Врангель, сообщает, что “об отце Достоевский решительно не любил говорить и просил о нем не спрашивать.” А. Суворин намекает на “трагический случай в семейной жизни”. “Падучая болезнь, пишет он, которою Достоевский страдал с детских лет, много прибавила к его тернистому пути в жизни. Нечто страшное, незабываемое, мучащее случилось с ним в детстве, результатом чего явилась падучая болезнь.”

С этим вполне совпадает свидетельство доктора С. Яновского: “Федора Михайловича именно в детстве постигло то мрачное и тяжелое, что никогда не проходит безнаказанно в летах зрелого возраста и что кладет в человеке складку того характера, которая ведет к нервным болезням и, следовательно, и к па-

дучей и к той угрюмости, скрытности и подозрительности, на которую обыкновенно указывают, как на борьбу с нуждой, хотя таковой, по крайней мере, в ужасающей степени и нет."

То "страшное", о котором говорят Суворин и Яновский, была насильственная смерть отца. Но они ошибаются, относя это событие к детству писателя. Достоевскому было тогда 18 лет. Именно к этому возрасту относится резкий перелом в его характере. Веселый и шаловливый мальчик, "настоящий огонь", превращается в нелюдимого и задумчивого юношу; таким рисуют его товарищи по Инженерному Училищу. Черты, отмеченные Яновским, угрюмость, скрытность и подозрительность — наследие отца. Воображение сына было потрясено не только драматической обстановкой гибели старика, но и чувством своей вины перед ним. Он не любил его, жаловался на его скупость, незадолго до его смерти написал ему раздраженное письмо. И теперь чувствовал свою ответственность за его смерть. Это нравственное потрясение подготовило зарождение падучей. Проблема отцов и детей, преступления и наказания, вины и ответственности встретила Достоевского на пороге сознательной жизни. Это была его физиологическая и душевная рана. И только в самом конце жизни, в "Братьях Карамазовых", он освободился от нее, превратив ее в создание искусства.

Это, конечно, не значит, что Федор Павлович Карамазов — портрет Михаила Андреевича. Достоевский свободно распоряжается матерьялом жизни. Но "идея" отца Карамазова, несомненно, внушена образом отца Достоевского. Дочь писателя, Любовь Федоровна, пишет в своих воспоминаниях: "Мне всегда казалось, что Достоевский, создавая тип старика Карамазова, думал о своем отце". В отеческом доме, под почтенными формами строго налаженной жизни, мальчик рано стал замечать ложь и неблагополучие. Все романы Достоевского в глубоком смысле автобиографичны. И, конечно, в рукописи "Подростка", он пишет о своей семье: "Есть дети, с детства уже задумывающиеся над своей семьей, с детства оскорбленные неблагообразием отцов своих, отцов и среды своей, а главное — уже с детства начинающие понимать беспорядочность и случайность основ всей их жизни, отсутствие установленных форм и родового предания." Семья штаб-лекаря Достоевского, захудалого дворянина и мелкого помещика, вполне подходит под формулу "случайное семейство."

Стареющий Достоевский живет в воспоминаниях детства: чтобы освежить их, он посещает давно уже проданное имение отца. Вспоминает о дурочке Аграфене, которая весь год ходила в одной рубашке, ночевала на кладбище и рассказывала всем о своем умершем ребенке. "Идея" отца, движущая роман "Братья Карамазовы", влечет за собой и образ дурочки Аграфены из села Даровое (Лизавета Смердящая) и название деревня Чер-

машня. В этом — косвенное подтверждение связи между Федором Павловичем Карамазовым и отцом Достоевского.

* * * *

Замкнутый мирок семьи с однообразным уставом жизни, а за решеткой сада — парк больницы, в котором прогуливаются больные в колпаках и халатах; сказки мамки Лукерьи о Жар-Птице и Иване Царевиче; по воскресеньям — выстаивание обедни, по вечерам семейное чтение, вот — детство Достоевского. Он сохранил память о толстой няне Алёне Фроловне, которая его, трехлетнего ребенка, учила молиться: “Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим”. Чинные прогулки летом в Марьиной роще с назидательными беседами отца и ежегодные паломничества в Троицко-Сергиевскую Лавру были большими событиями в жизни ребенка. На мальчика производили сильное впечатление церковная архитектура, стройное пение хора и толпы богомольцев. Впоследствии он вспоминал, что видел исцеление кликуш. “Меня, ребенка, очень это удивляло и поражало”. Азбуке учила его мать по “Священной Истории Ветхого и Нового Завета” с картинками. Потом стал приходить учитель-дьякон, который прекрасно рассказывал “из Писания”. Достоевские нигде не бывали и гостей не принимали; братья жили без сверстников, почти без соприкосновения с внешним миром. Два-три раза их водили в театр. Достоевский запомнил представление “Жако или бразильская обезьяна” и позже игру Мочалова в “Разбойниках” Шиллера. С этого времени — ему было тогда 10 лет — начинается страстное его увлечение Шиллером. Федор и Михаил, оторванные от жизни, рано погружаются в “мечтательство”; стихи Державина, Жуковского, Пушкина, повести Карамзина и романы Вальтер Скотта открывают перед ними волшебный мир вымысла. Они бредят чувствительными героями и средневековыми рыцарями. Михаил тайком пишет стихи, а Федор грезит “Веверлеем” и “Квентен Дюрвардом”. Его воображение наполнено картинами Венеции, Константинополя, сказочного Востока. Пушкина братья знают наизусть. После смерти поэта Федор говорил: “Если бы у нас не было семейного траура (их мать скончалась в 1837 г.), я бы просил позволения отца носить траур по Пушкину”.

Начитанность мальчика Достоевского огромна: “Юрий Мирославский”, “Ледяной дом”, “Семейство Холмских”, сказки казака Луганского, романы Нарезного и Вельтмана, и особенно история Карамзина и его повести, — мальчик все читал и все запомнил. У него была не простая любознательность, а настоящая страсть к литературе. В набросках к ненаписанному роману “Житие великого грешника” писатель отмечает: “Подробный психологический анализ, как действуют на ребенка произведения писателей и пр. “Герой нашего времени”. Он ужасно много читает (Вальтер Скотт и пр.). Он сильно развит и много кое-че-

го знает. Гоголя знает и Пушкина. Всю Библию знал. Непременно о том, как действовало на него Евангелие. Согласен с Евангелием. Чтение о Суворове. Арабские сказки. Мечты." Запись эта несомненно автобиографична.

Для юноши Достоевского литературные впечатления важнее жизненных. Знакомство с В. Скоттом или Шиллером более определили его душевный строй, чем влияние природы или обстановка семейной жизни. Он по натуре своей человек внутренний, отвлеченный. Внутреннее всегда преобладало в нем над внешним. Напряженность душевной жизни грозила нарушением равновесия и подготовляла трагедию мечтателя, тщетно стремящегося к "живой жизни". Проблема "человека из подполья" восходит к "абстрактной", книжной юности писателя.

В 1833 г. братья Достоевские поступили в пансион Сушара, довольно невежественного француза, который вместе с женой кое-как обучал французской грамматике. Быт этого любопытного заведения изображен писателем в "Подростке". Через год мальчики перешли в патриархальный привилегированный пансион Леонтия Ивановича Чермака, в котором преподавали лучшие профессора Москвы; учителем русской словесности был известный ученый Давыдов. У Федора не было товарищей; он не умел сходитьсь со своими сверстниками. Каждую субботу больничная карета отвозила братьев домой, где их ожидали любимые книги. Мать умирала от чахотки. В 1837 г. она скончалась; смерть ее поразила Достоевского гораздо меньше, чем кончина Пушкина.

Михаил Андреевич решает переехать с младшими детьми в деревню, а старших, Михаила и Федора, поместить в Инженерное училище в Петербурге. В мае 1837 г. он отвозит их в столицу и для подготовки к вступительным экзаменам отдает в пансион Коронада Филипповича Костомарова. В "Дневнике писателя" Достоевский вспоминает об этом путешествии. "Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали о чем-то ужасно, обо всем "прекрасном и высоком", — тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии. Мы верили чему-то страстно, и хотя мы оба отлично знали все, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и о поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три и даже дорожкой, а я беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни. Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин и мы дорогой сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться на бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух."

Венецианский роман был грубо оборван столкновением с русской действительностью: на станции в Тверской губернии Достоевский встретил фельдъегеря, "плотного и сильного детину с багровым лицом", который методически бил ямщика здоровенным кулаком по затылку. "Эта отвратительная картина, продол-

жает писатель, осталась в воспоминаниях моих на всю жизнь. Я никогда не мог забыть фельдъегеря, и многое позорное и жестокое в русском народе, как-то поневоле и долго потом склонен был объяснять уже, конечно, слишком односторонне..." Таково было первое пробуждение от грез молодого мечтателя. Достоевский вспомнит о фельдъегере, создавая образ мучительства в сне Раскольникова (кляча, умирающая под ударами Миколки).

* * * *

В пансионе Костомарова братья Достоевские погрузились в геометрию и фортификацию. Федор выдержал экзамен и в январе 1838 г. поступил в Инженерное училище. Михаил не был принят по состоянию здоровья и отправился в Ревель, в инженерную команду. Между братьями начинается живая переписка. Годы учения в Инженерном замке бедны событиями. Юноша тоскливо тянет ляжку лекций, экзаменов, лагерных учений; с трудом подчиняется суровой муштре, зубрит ненавистную математику. В мрачном замке, в котором был убит Павел I, хранятся традиции выправки, молодечества и выслуги перед начальством. Но существует и "тайный дух": два воспитанника, музыкант Чихачев и Игнатий Брянчанинов, окончив офицерские курсы, поселились послушниками в Сергиевской Пустыни. Среди воспитанников училища были "брянчаниновцы". Возможно, что эта мистическая струя коснулась и юного Достоевского.

Романтический период жизни писателя озаглавлен литературными увлечениями и пламенным культом дружбы. В Петербурге он знакомится с Иваном Николаевичем Шидловским, молодым чиновником Министерства Финансов и поэтом. Шидловский пишет туманно-мистические стихи, страдает от возвышенной любви, вдохновенно говорит о Царствии Божием и сладостно мечтает о самоубийстве. Он разочарован: даже любимая женщина не может вдохновить его на великие создания, даже она "не сорвет аккордов с цевницы его, зачарованной благоуханием цветка нечаянного." В душе его звучат стихи Шиллера и Новалиса, веют бесплотные тени поэзии Жуковского, откликаются натурфилософские идеи Шеллинга. Он верит, что "человек есть средство к проявлению великого в человечестве, что тело, глиняный кувшин, рано или поздно разобьется." Достоевский в иступлении восторга пишет о Шидловском брату. В его письмах литературный стиль романтизма доведен почти до пародии. Юноша не только глядит на все глазами своего друга, но буквально чувствует его чувствами. Здесь впервые проявляется способность писателя к творческому перевоплощению.

В 1840 г. он сообщает Михаилу Михайловичу: "Ежели бы ты видел его (Шидловского) прошлый год... Взглянуть на него — это мученик! Он иссох; щеки впали; влажные глаза его были сухи и пламенные; духовная красота его лица возвысилась с упадком физической. Он страдал, тяжело страдал! Боже мой, как лю-

бит он какую-то девушку... Без этой любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии... Передо мной было прекрасное, возвышенное создание, правильный очерк человека, который представили нам и Шекспир и Шиллер; но он уже готов был тогда пасть в мрачную манию характеров Байроновских. Часто мы с ним просиживали целые вечера, толкуя Бог знает о чем. О, какая откровенная, чистая душа! У меня льются теперь слезы, как вспомню прошедшее... Наступила весна; она оживила его. Воображение его начало создавать драмы и какие драмы, брат мой!... А лирические стихотворения его!... Последнее свидание мы гуляли в Екатерингофе. О, как провели мы этот вечер! Вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомере, Шекспире, Шиллере, Гёфмане... Прошлую зиму я был в каком то восторженном состоянии. Знакомство с Шидловским подарило меня столькими часами лучшей жизни”.

Скоро друзья расстанутся и навсегда. О дальнейшей судьбе Шидловского, русского романтика-мистика, мы узнаем из письма его невестки к Анне Григорьевне Достоевской в 1901 г. Шидловский скоро бросил писать стихи и стал работать над историей русской Церкви. “Но ученая работа не могла всецело поглотить его душевную деятельность. Внутренний разлад, неудовлетворенность всем окружающим, вот предположительно те причины, которые побудили его в 50-х годах поступить в Валуйский монастырь. Не найдя, повидимому, и здесь удовлетворения и нравственного успокоения, он предпринял паломничество в Киев, где обратился к какому-то старцу, который посоветывал ему вернуться домой в деревню, где он и жил до самой кончины, не снимая одежды инока-послушника. Его странная, исполненная всяких превратностей жизнь, свидетельствует о сильных страстях и бурной природе. Глубокое нравственное чувство Ивана Николаевича стояло нередко в противоречии с некоторыми странными поступками; искренняя вера и религиозность сменялись временным скептицизмом и отрицанием.” В своем имении Шидловский то кутил с драгунами, то проповедывал. “Еще долго по окраинам Харьковской губернии можно было видеть у входа в шинок человека высокого роста в страннической одежде, проповедовавшего Евангелие толпе мужиков.”

Русский романтизм во всех его сложных превращениях — одна из основных идей творчества Достоевского. От восторженного преклонения перед ним, через обличение и борьбу, он приходит в конце жизни к признанию его ценности. Но писатель создает не абстрактные схемы, а живых людей — “идееносцев”. Романтизм был пережит им в личной влюбленной дружбе с романтиком Шидловским, осознан в реальном человеческом образе. Ордынцев в повести “Хозяйка” начинает линию романтических героев Достоевского; Дмитрий Карамазов, декламирующий Шиллера, замыкает ее. Нежное воспоминание о друге своей юности Федор Михайлович хранил всю жизнь. Анна Григорьевна